

25 МАИ 1958

Мелихово, 1941...

В июльский зной 1954 года Андрей Карцев, молодой сотрудник районной газеты, получил командировку в Мелихово.

То были дни, когда страна торжественно и трогательно отмечала пятидесятилетие со дня смерти Чехова.

Андрей вышел из электрички на станции Лопасня и, договорившись с водителем попутной полуторки, легко перебрисил тренированное тело через борг машины. Настроение корреспондента отличное: он рад был и быстрой езде, и звонкоголосым переливам птичьих голосов в перелеске, и, самое главное, — его радовало задание: Чехов был любимым писателем Андрея.

Тихий уголок средней России, укрытый тенью лип, посаженных самим Чеховым, в эти дни как будто утратил половину своей поэтической прелести. Пионеры и трактористы, артисты МХАТа и болгарский писатель — все эти люди съехались в Мелихово, чтобы почтить память великого писателя.

Андрей растерянно ходил по парку. Сфотографировал памятник Чехову, флигель, откуда полетела в бессмертие «Чайка», и в раздумье присел под липой. Юноша искал чего-то особенного вокруг. Оно, это особенное, было, но пугала мысль о том, что все уже подмечено многочисленными корреспондентами других газет, а Карцев не любил повторяться.

Солнце скатывалось к горизонту, делая огненной шевелюру леса. Оно ярко осветило лежащую в лошине деревянную Угрюмово, где происходило действие рассказа «В овраге». Андрей побывал и там, стараясь собраться с мыслями вдали от шума, иша и не находя нужное решение. С горькой усмешкой вспомнил напутствие редактора:

— Даю подвал петитом!

В Мелихово наступило затишье. Возле ограды, покуривая прогорелую и заделанную медной пластинкой трубочку, сидел Михаил Прокопьевич. Старик отдыхал. Он был худ, высокого роста, но не горбился, и синяя в белую полоску рубашка ладно облегла его прямую спину и широкую грудь человека, прошедшего жизнь в крестьянском труде.

Андрей присел рядом. Закурив.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ТУРИСТА

— Тоже турист, сынок? — спросил Симанов, пуская в аккурратно подстриженные усы дым самосада.

— Да нет, я из газеты, — и Карцев назвал город, откуда приехал.

— А, стало быть, соседи.

Помолчали. И, вдруг, Андрея осенило. Почти детским голосом он сказал:

— А есть, Михаил Прокопич, что-нибудь такое, чего бы вы еще никому не рассказывали о Чехове?

Старик лукаво поглядел на юношу. Улыбка вышла добрая, со смешинкой.

— Об Антоне Павловиче можно много говорить, потому как годов шесть видал я его каждый день. Всего не перескажешь. А только не знаю, может, вам интересно послушать про войну...

— Какую? — перебил удивленный Андрей.

— А было это в аккурат в ноябре сорок первого года. Приехали сюда командиры, солдаты. Поглядели место и стали снег чистить. Потом привезли зенитки. Летят, бывало, немцы на Москву. Тут наши зенитки как ударят. Шум кругом, грохот, домишки у нас старые — трясутся. У бабушки Никаноровны осколком крышу пробило. Но ничего, не сетуем — понимаем, врага нельзя пустить в белокаменную нашу.

Только гляжу я — коситься начал флигель, где Антон Павлович жил. Потому как воздух содрогается, а домишко, известное дело, хлипкий.

Не так-то богат был Антон Павлович, чтобы хоромы каменные ставить. Ну, думаю, завалится скоро флигелек.

Пошел я к соседу — знаю, что у него на квартире стоял командир батареи. Так и так, говорю, товарищ старший лейтенант, место это всему народу нашему дорогое — Чехов здесь жил. Война кончится, придут сюда люди, захотят поглядеть, а домика ан и нет.

Выслушал меня командир, ничего не сказал и вышел со мной. А к вечеру на том месте, где стояли пушки, один снег почернелый остался. Отвел он свою батарею километра за три отсюда.

Андрей лихорадочно записывал.

— А потом пошел я к ним на батарею и отнес в подарок тому командиру книгу, что взял из шкафа Антона Павловича. Солдаты окружили меня, давай спрашивать про писателя. И, согрешу уж, признаюсь: никогда никому так с охотой не рассказывал я, как этим парням.

...Жизнь извилиста и капризна в своих путях. И давно уже забыл Андрей Викторович Карцев — ответственный секретарь областной уральской газеты о радостях и разочарованиях своих первых шагов журналиста. Начала стираться в памяти поездка в Мелихово. Но вот новая встреча, и круг замкнулся.

С большого металлургического завода Южного Урала пришел сигнал о злоупотреблениях главного бухгалтера. Карцев решил поехать туда лично.

Разобравшись в деле, Карцев решил заночевать в небольшом городке. Он состоял из двух частей — старые приземистые срубы резко отличались от красивых трехэтажных домов соцгорода. Автор письма в редакцию — плановик Сергей Герасимович Седин — пригласил Карцева к себе домой.

Сергей Герасимович жил в одном из домиков старого города. Войдя в комнату, Карцев опытным глазом профессионального наблюдателя отметил два книжных шкафа. Будучи сам любителем книги, он умело рассеял первое смущение хозяина, заговорив о том, что было обим близко.

— Есть у меня одна книга, я ее отдельно храню. Реликвия, знаете ли. — и Седин отпер ящик маленького письменного стола.

— Вот, взгляните, — и он протянул Карцеву томик ранних стихов Бунина.

— Нет, не сюда, посмотрите на титульный лист.

Что-то острое, как воспоминание детства, мелькнуло в памяти Карцева. На странице, выше названия книги, стояло знакомое по многим фотографиям «А. Чехов».

— Так это были вы? — воскликнул, уже не сомневаясь в своей догадке, Карцев.

И ему еще раз пришлось выслушать рассказ о сорок первом годе в Мелихово.

М. Фишгоф.